

Кириченко Юлия Сергеевна

студентка

ФГАОУ ВО «Белгородский государственный
национальный исследовательский университет»

г. Белгород, Белгородская область

«ТОЛЬКО В ИНДИИ СВЯТОЙ ВСЁ ПОНЯЛ Я ВПЕРВЫЕ»:

ИНДИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ К.Д. БАЛЬМОНТА

***Аннотация:** статья посвящена исследованию индийских мотивов в творчестве К.Д. Бальмонта.*

***Ключевые слова:** Индия, индийские мотивы, символизм.*

Рубеж XIX–XX веков представлял собой тот переломный период, когда, как считает Л.А. Колобаева, «Запад вспомнил о Востоке, а Восток потянулся к Западу» [2, с. 205] и заметно вырос интерес к Индии и ее культуре.

Индийская тематика становится одной из ведущих в творчестве К.Д. Бальмонта, круг интересов которого был весьма разнообразен, о чём говорят стихи, переводы, статьи, переписка. В этот же период у Бальмонта возникает огромный интерес к санскриту, древнему литературному языку Индии, имеющему родственные связи с русским языком. Естественно, что Бальмонт, во-первых, как поэт-символист, во-вторых, как человек, обладающий необыкновенным языковым чутьем, не мог не увлечься идеей родства русского языка и санскрита. Неслучайно в его стихах рубежа веков много слов, понятий, названий, имеющих как в русском языке, так и в санскрите. Отсюда – яркость, многоцветье, может быть, кажущаяся современникам нарочитой пышность поэтического языка Бальмонта. Марина Цветаева, которая ценила оригинальность бальмонтовского языка, поняла и приняла его поэтическую манеру, как-то совершенно справедливо заметила: «Изучив 16 языков, говорил он на особом, 17 языке, на бальмонтовском» [3, с. 31].

Уже в первых стихотворениях с индийской тематикой звучит тема родства с этой восточной страной: в стихотворении «Три страны» («Литургия красоты»

(1905) сопоставляются исторические судьбы Ассирии, Египта и Индии. Примечательно, что в характеристике первых двух держав выделяются преимущественно достижения материальной культуры и зримые результаты деятельности людей, а вот Индия названа «светом», «святыней», «девственной матерью» и отмечена особой духовностью.

Разрозненные стихотворения, в которых звучат индийские мотивы, позже уступают место цельному циклу «Индийские травы», помещенному в сборнике «Горящие здания» (1900 г.), эпиграфом к которому послужили слова индийского философа Шри Шанкарачарья, проповедующего систему «адвайта-веданта», т. е. единство творца и творения: «Познавший сущность стал выше печали». Тем самым Бальмонт подтверждает формулу «Ты есть То» и говорит о своей осведомленности в области индийской философии.

Открывается цикл стихотворением «Майя». Автор сперва переносит читателя в экзотическую местность, а затем с помощью нарочного смешения понятий «йог» и «маг-заклинатель» показывает неистинность зримого мира. Так, соединяются теории двойственности, но слитности мира (это же можно увидеть и в стихотворении «Как паук») и переселения душ: «Смерть на мгновенье, и вновь колыбель». В стихотворении «Круговорот» неистинность мира перерастает в круговорот событий, тяжелый плен, котором оказываются и обычные люди, и боги: «Не только люди и герои, // Волненье дум тая, // Томятся жаждой в душном зное // Земного бытия. // Но даже царственные боги // Несут тяжёлый плен, // Всегда витая на пороге // Всё новых перемен».

Так подготавливается появление мотива мимолетности бытия, который, однако, нельзя понимать однозначно: он сопоставим и с кратковременностью мига, и с бесконечной чередой мгновений, представляющих в сумме непрекращающуюся смену жизни и смерти («Жизнь»). Создатель, подобно пауку, созидает вечное из беспрестанно сменяющихся мгновений, при этом он хранит это вечное в себе, как паук паутину («Паук»).

«Паганини русского стиха», он желал наполнить стихи красотой, прежде всего красотой духовной, космической, и эти две категории органично

соединяются в образе Индии, страны «вечно-золотого полдня» и «голубых роз», страны, где Мысль удивительным образом включает в себя Мечту. «...приобщился к Бrame – И утонул в бессмертной красоте», – подводит итог поэт. Под красотой Бальмонт подразумевает еще и Мудрость, Знание. Такая формула звучит в стихотворении «Д.С. Мережковскому» (в последующих изданиях – «Одиному»), переплетаясь с абсолютно новым звучанием известной народной мудрости «ученье – свет»: «Я полюбил индийцев потому, // Что в их словах – бесчисленные знания, // Они растут из яркого страдания, // Пронзая глубь веков, меня тьму».

Е.В. Ермилова указывает, что многие символисты, представляя свое видение Востока, лишь механически соединяли западные реалии и восточную терминологию [1]. Однако Бальмонт пошел по иному пути, заявляя о своем «индийском мышлении»: Индия для него не экзотический фон, выражающий личные мысли, а скорее откровение, момент истины: «Только в Индии святой всё понял впервые». Не зря в 1927 году безмерно страдающий на чужбине поэт говорит о неразрывной связи стран, в которых ему удалось побывать, с Россией. Среди них будет названа и Индия, но не как экзотическая страна, а как средоточие многовековой мудрости, которую и пытался поэтически изложить Бальмонт.

Список литературы

1. Ермилова Е.В. Теория и образный мир русского символизма. – М.: Наука, 1989. – 174 с.
2. Колобаева Л.А. Концепция личности в русской литературе рубежа XIX–XX вв. – М.: МГУ, 1990. – 333 с.
3. Осоргин М. Переводчики и перевозчики // Русская речь. – 1995. – №4. – С. 29–33.